

Для подготовки кандидатов в священники Православная Церковь Польши в 1950 г. открыла Варшавскую Православную Духовную Семинарию и в 1957 г. при Варшавской Христианской Богословской Академии секцию православного богословия. Семинария содержится на средства церкви, а академия за счет государственных средств. С 1973 г. при академии действуют двухгодичные богословские курсы для приходских клириков. Срок обучения в Варшавской Христианской Богословской Академии составляет 5 лет, а по окончании ее слушателям присваивается степень магистра богословия. Таким образом, после Второй мировой войны в ПНР церковно-государственные отношения строились по модели, принятой в СССР, но в более мягкой форме и в решении спорных вопросов предпочтение отдавалось Католической Церкви. Тем не менее, Православная Церковь в Польше постепенно укрепляет свои позиции, о чем свидетельствует увеличение числа прихожан, расширение издательского дела, наличие собственных образовательных учреждений, лояльное отношение польских властей к существованию и развитию второй по счету конфессии на территории государства.

Список использованной литературы

1. Послание Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию (об автокефалии Польской Православной Церкви) // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – № 8. – С. 44–45.
2. Польская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – № 3. – С. 8.
3. Пребывание в Москве делегации Польской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – № 7. – С. 3–4.
4. Скурат, К.Е. История Православных Поместных Церквей / К.Е. Скурат. – Кемерово: Изд-во Кемеровской епархии, 2015. – Т. X. – 688 с.
5. Konstytucja Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej // Dziennik Ustaw. – 1976. – Nr. 7. – Poz. 36. – S. 61–80.
6. Гора Крестов // Православный паломник. – 2012. – № 8. – С. 5–6.

РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬЩИНЫ НА ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ В 1920–1930-Е ГГ.

И.А. Грищенко

УО «Гомельский государственный технологический университет
им. П.О. Сухого»

Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.) в полной мере отразил антицерковный характер политики большевиков. Методы и формы борьбы с религией и церковью, предлагаемые большевистским руководством, были весьма противоречивы.

С одной стороны, В.И. Ленин призывал сражаться с религией идейным оружием, т. е. просветительско-пропагандистскими методами, не оскорбляя чувств верующих. С другой стороны, В.И. Ленин инициировал разграбление церковного имущества и репрессии в отношении духовенства. Репрессивные действия и факты глумления над святынями приходили в противоречие с советским законодательством. Принцип отделения Церкви от государства нарушался грубым вмешательством властей во внутреннюю жизнь Церкви.

Непоследовательность действий большевиков в отношении церкви прослеживается по партийным циркулярам и сводкам ГПУ на примере Гомеля. «Закрывание церквей в деревне должно проводиться в административном порядке без нарушений законности. Нельзя создавать ореол мученичества вокруг религии и ее служителей. В то же время целесообразно усилить и развернуть агитацию за передачу церковных помещений под школы и иные культурные учреждения, за снятие части колоколов для тех или иных нужд» [1, л. 46, 54]. Циркуляр ЦК по вопросам антирелигиозной агитации в отношении средств предупреждал, что «нарочито грубые приемы, вместо серьезного анализа и разъяснения, не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [1, л. 67]. Уничтожение икон – «священная» обязанность коммуниста и комсомольца, и начинать нужно с собственного жилища, однако «сама же процедура снятия икон и тем более их уничтожение, сопровождающееся глумлением над святыней, вызывала у крестьян негативную реакцию» [2, л. 145].

Болезненно реагировали жители деревень на непочтительное отношение к предметам религиозного культа в процессе закрытия церкви (д. Новый Радин Комаринского р-на), ломку и битые икон (с. Яново Ветковского р-на), расстрел икон из охотничьих ружей (д. Дворище Хойникского р-на), что нередко вызывало эксцессы [3, л. 116]. В начале 1930-х гг. власти категорически запретили проводить так называемые антипасхальные карнавалы с сожжением богов, вызывающие недовольство и приводящие к столкновениям с жителями деревень [4, л. 22–22 об.]. Партийные инструкции и циркуляры рекомендовали антирелигиозную кампанию доверить учителям, беспартийным и так умело поставить антирелигиозную, антицерковную работу, чтобы инициатива партии была незаметна [1, л. 55].

Активизация антирелигиозной работы приходилась, как правило, на канун больших церковных праздников – Пасхи, Рождества, Благовещенья и др. На эти дни составлялись планы проведения «комсомольской пасхи»: субботники накануне Пасхи, мероприятия в клубах в Пасхальное воскресенье («Вечера Коперника», спектакли, концерты, танцы) [2, л. 56, 75, 84]. Это нередко вызывало раздражение у рабочих, которые, кроме нежелания работать сверхурочно, хотели встретить Пасху в церкви.

В сводках ГПУ отмечалась крайне неудовлетворительная работа в области антирелигиозной агитации на гомельских предприятиях «Красный Мельник», «Красный Химию», «Везувий», «Гомсельмаш», «Красный

Октябрь». На фабрике «Везувий» большой процент рабочих составляли бывшие крестьяне, чем советские органы объясняли их религиозность. Так, на Благовещенье 1930 г. каменщики и плотники массово не вышли на работу (150 человек). На фабрике «Красный Октябрь» беседа о вреде религии вызвала резкую реакцию со стороны рабочих: «Если придут ко мне за подписью о закрытии церкви, я не подпишусь». 13 апреля 1930 г. состоялось собрание на антирелигиозную тему в 9-й железнодорожной школе. Присутствовали в основном жены железнодорожников. Собрание прошло бурно. Рабочие возмущались закрытием церкви: «Все заставляют делать силой. От праздников заставляют отказываться, детей заставляют приносить из дома иконы, чтобы их уничтожить, а иначе увольняют из школы. Если я схожу в церковь, то этим никому вреда не принесу. Попы никакого подрыва в рабочих не делают, а подрывы делают руководители, которые смотрят не там, где надо». Некоторые позволяли себе смелые высказывания: «Не вышел на работу, потому что у меня Пасха, и я хожу в церковь и в дальнейшем буду посещать, я родился христианином и умру им» [3, л. 11–14, 35–38]. В результате в первый день Пасхи 1930 г. не вышло на работу 60 % всего состава гомельских рабочих. Как отмечается в отчетах ГПУ, под поповским влиянием оказались не только беспартийные, но и рабочие, члены партии. Посещаемость церкви на пасху в 1930 г. значительно выросла по сравнению с предыдущим годом. О том, чтобы пойти в клуб на танцы, рабочие говорили, что танцы в клубах бывают часто, а такая служба раз в году, так лучше пойдем в церковь [3, л. 30–31]. Возмущения рабочих порой приобретали откровенно антисоветский характер: «Не даром за границей говорят о преследовании религии в России»; «Я бы дал 4 тысячи рублей, чтобы вернуть старые порядки» [3, л. 268].

Советское руководство в рамках антицерковной политики попыталось использовать реформаторский потенциал самой Церкви. Часть духовенства была нацелена на радикальную реорганизацию внутрицерковной жизни, что нашло свое выражение в обновленческом движении. Для большевистского руководства обновленчество – способ дискредитировать Церковь в глазах верующих, расколоть ее изнутри. Циркуляр Гомельского губернского комитета РКП(б) в отношении обновленчества отмечал, что покровительствовать «новой церкви» власть не собирается. Несмотря на то, что она перестала быть контрреволюционной и осудила патриарха, назвав себя «Живой Церковью», она «все равно является носителем религиозного дурмана» [1, л. 55]. Заинтересованность советской власти в успехе обновленчества объяснялась также желанием создать себе определенный имидж на Западе как власти толерантной, демократичной, гуманной.

Гомельские священники с установлением советской власти в большинстве своем ушли в обновленчество. Ситуацию исправил vicарный епископ Тихон (Шарапов), приехавший в Гомель 3 апреля 1925 г. Он так активно повел борьбу с обновленческим расколом, что вскоре в Москву от

гомельских органов власти в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «...епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии. Так как в каждом обновленческом приходе есть некоторая часть мирян, стоящих за тихоновщину и стоит епископу Тихону появиться – через часа 2–3, он уже повел за собой остальных мирян, которые заставляют попа повиноваться епископу Тихону, в противном случае отлучают от церкви. В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его...» [5, 59]. В 1925 г. епископ Тихон (Шарапов) был арестован и доставлен в Москву. Пройдя череду ссылок и лагерей, в сане архиепископа Алма-Атинского владыка Тихон (Шарапов) был расстрелян в 1937 г. [5, 278].

Власти особенно болезненно реагировали на проявление сочувствия со стороны населения к гонимому священству. Так, проводы в ссылку епископа Иоанна (Пашина) в 1926 г. превратились в настоящую манифестацию жителей Петрикова: звонили в колокола, народ собрался на пристани, многие плакали. Местный житель Павел Андрук, взобравшись на церковную ограду, кричал: «Мерзавцы, а не власть. Они нас грабят, душат, идите по деревням и объявите, что делается!» [6, л. 58–59]. Не прошла незамеченной в 1926 г. материальная помощь, оказанная жителями Калинкович священнику, которому собрали 70 рублей [6, л. 59].

Непростая ситуация сложилась в связи с «Декларацией 1927 года» митрополита Сергия (Страгородского). Часть священнослужителей, монашествующих, мирян ушла в оппозицию, не приняв идею сотрудничества церкви с безбожной властью (движение непоминающих, иосифлян). На Гомельщине «правая» оппозиция имела довольно широкое распространение. Среди иосифлян оказался о. Павел Левашев – духовник Гомельского епархиального округа, который с иеромонахом Герасимом (Каешко) в июне 1928 г. вышел из подчинения Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Однако, сохраняя каноническое подчинение Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому) (1862–1937), представители «правой» церковной оппозиции не порвали окончательно с патриаршей церковью. На Гомельщине иосифлянское движение охватило Гомельский, Ветковский, Чечерский, Уваровичский, Буда-Кошелевский и Тереховский районы. Одним из центров «иосифлянской» общины стал храм Рождества Богородицы в с. Урицкое. В результате первой волны репрессий в отношении «правой» церковной оппозиции (1930–1932 гг.) на территории Гомельского епархиального округа священники, монашествующие и миряне были приговорены к разным срокам ИТЛ (около 40 человек), а иеромонах Герасим (Каешко) расстрелян [7, 148]. В сложившихся условиях «непоминающие» вынуждены были перейти на нелегальное положение.

В июле-августе 1937 г. Гомельский отдел НКВД провел серию арестов православных священнослужителей и мирян общим числом 57 человек,

выдвинув им обвинение в причастности к «гомельской контрреволюционной организации церковников», во главе которой якобы стоял протоиерей Павел Левашев. Решением заседания Особой Тройки НКВД БССР были приговорены к расстрелу все гомельские священники (как «иосифляне», так и «сергиане»), активные миряне (среди них староста церкви с. Урицкое Е.Ф. Лелехова). Приговор был приведен в исполнение 1 ноября 1937 г. [7, 148]. К началу 1941 г. на территории Гомельской области не осталось ни одного действующего храма и ни одного официально зарегистрированного православного священнослужителя. Однако церковная жизнь сохранялась на уровне приходской общины в условиях подпольного существования.

Список использованной литературы

1. Циркуляры губкома укомам и райкомам Гомельской РКП // ГАООГО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 338.
2. Резолюции и циркуляры ЦК и губкома по вопросам антирелигиозной агитации. // ГАООГО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 514.
3. Отчеты ГПУ о коллективизации, индустриализации, настроении рабочих Гомеля. – 1930. – Т. 2. // ГАООГО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 714.
4. Переписка агитпропа Гомельского укома РКП с волкомами по вопросу агитработы. // ГАООГО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 489.
5. Косик, О.В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов) / О.В. Косик. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.
6. Информационные сводки ГПУ и милиции. – 1926 г. – Т.1. // ГАООГО. – Ф. 69. – Оп. 2. – Д. 90.
7. Слесарев, А.В. История «правой» церковной оппозиции («иосифлянства») на Гомельщине в 1928–1941 гг. // Труды Минской духовной академии. – 2014. – № 11. – С. 140–149.

РУССКОЕ МОНАШЕСТВО НА АФОНСКОЙ ГОРЕ В 1903–1914-М ГГ.

А.А. Грудницкий

ГУО «Юровичский детский сад-средняя школа»

Историю русского монашества невозможно представить без тех ее страниц, которые связаны с подвижничеством русских иноков на Святой Горе Афон. Памятуя о том, что первооснователь монашества на Руси преподобный Антоний Печерский был афонским постриженником, можно говорить о том, что Афон является колыбелью русского монашества. История русского присутствия на Святой Горе насчитывает более тысячи лет. Еще в эпоху св. равноапостольного князя Владимира выходцам из Руси был предоставлен в вечное владение скит Богородицы Ксилургу. Двумя веками позже, в 1169 году, им был также передан монастырь во имя святого великомученика и целителя Пантелеймона [1, 90]. За эти долгие годы как все русское святогорское иночество в целом, так и Свято-Пантелеимонов